

АРИФ АНВАР

УРАГАН

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44

Arif Anwar
THE STORM
Copyright © 2018 by Arif Anwar
All rights reserved

Перевод с английского Никиты Вуля

Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Анвар А.

А64 Ураган : роман / Ариф Анвар ; пер. с англ. Н. Вуля. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 464 с. — (Розы света).

ISBN 978-5-389-27221-7

Шахрияр, недавний аспирант и отец девятилетней Анны, должен по истечении срока визы покинуть США и вернуться в Бангладеш. В последние недели, проведенные вместе, отец рассказывает дочери историю своей страны, переплетая ее семейными преданиями. Перед глазами девочки оживают картины: трагедия рыбацкой деревушки на берегу Бенгальского залива, сметенной с лица земли ураганом ужасающей силы... судьба японского летчика, чей самолет был сбит в тех местах во время Второй мировой... и отчаяние семейной пары из Калькутты, которой пришлось, бросив все, бежать в Восточный Пакистан после раздела Индии... Жизнь порой тоже напоминает ураган, в безумном вихре кружащий человеческие судьбы, — выжить в нем поможет лишь любовь, семья и забота о будущем детей.

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Н. А. Вуль, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-27221-7

И вновь порывы с моря налетели,
На дом, где безмятежно в колыбели
Спит дочь моя.

Давно брожу, а ветер не стихает,
Я слышу, как он в башне завывает.

Молюсь за дочь, и чудится мне вскоре:
Грядущих лет выходит строй
Под дикий барабанный бой
Из смертоносной девственности моря¹.

*Уильям Батлер Йейтс.
Молитва о дочери*

¹ Перевод Ю. Мениса

Книга первая

ПРИБЛИЖЕНИЕ БУРИ

Хонуфа

*Читтагонг,
Восточная Бенгалия (Бангладеш),
ноябрь 1970 года*

В его грезах ее глаза всегда зеленого цвета. Цвета кузнечиков, изумрудов и сочной листвы. Иногда они приобретают темноватый оттенок нефрита.

И это притом что он прекрасно знает, что глаза Хонуфы серые, как мех у кошек, как затянутое тучами небо. Как волнующееся море.

* * *

Сегодня она заспалась. Ее будит отблеск зари и рокот волн. Она открывает серые глаза и окидывает взглядом хижину, земляной пол которой тронули первые лучи ноябрьского солнца, поднимающегося над морем.

Хонуфа садится в постели. На подоконнике — ворон. Переливаются угольно-черные крылья. Изогнутый клюв полуоткрыт, словно птица вот-вот каркнет. Ворон не сводит с Хонуфы глаз цвета оникса.

Хонуфа встает, но птица не двигается с места. Женщина настороженно смотрит на ворона и начинает медленно приближаться к нему, выверяя каждый шаг.

Только когда она протягивает к нему руку и до птицы остаются считанные сантиметры, ворон срысывается с места и улетает, оставляя в хижине отзвук хлопающих крыльев.

Да, всё это суеверия, однако, совсем как ребенок, она сплевывает, силясь унять бешено колотящееся сердце. Ее охватывает ощущение надвигающейся беды, подкрадывающейся голодным хищным зверем.

Ее лежанку сколотил еще отец и преподнес ей в дар много лет назад, когда она вышла замуж за Джамира. Сейчас на ней спит ее трехлетний сын. Какой же он славный! Ему снятся сладкие сны. Место, на котором обычно лежит Джамир, пусто. Ее муж впервые ушел в море не попрощавшись. Его путь лежал в самое сердце залива. И сколько же его теперь ждать?

Она умывается водой из глиняного сосуда и принимается за работу по дому. Решает начать со стирки. За свою замужнюю жизнь Хонуфа никогда не позволяла копиться грязному белью. Затем она швыряет на улицу оставшиеся со вчерашнего дня рыбы кости — пусть ими полакомится вечно сонная кошка, часто навещающая к ним в хижину, — а потом отправляется за хворостом: обломанные ветви деревьев, густо покрывают землю окрестных лесов. Придя на берег темноводного пруд-

да, напоминающего глаз ворона, наблюдавшего за ней сегодня утром, она принимается рвать листья одуванчиков на обед.

Всё это Хонуфа продельывает прежде, чем пред-
рассветная полумгла сменится утром и бледный свет,
заливающий мир, уступит сперва рыжему, а потом
уже ослепительно белому солнечному свету.

Сын начинает ворочаться в постели. Взвалив на
себя хворост, перехваченный джутовой веревкой,
Хонуфа возвращается домой.

Тридцать лет тяжелых трудов лишили черты ее
лица былой девичьей мягкости, расчертив область
вокруг глаз морщинами. Губы сделались тоньше,
в результате чего ее челюсть приобрела квадратную
форму, как у мужчины, — отнюдь не идеал женской
красоты по бенгальским меркам. Нет, красавицей
Хонуфу не назвать, но она сильная, а роста в ней —
метр шестьдесят пять. Она выше всех женщин в при-
брежной деревушке, которую считает своим домом.
Плечи широкие, а руки грубые — они помнят ми-
риады веревок и рыбацких сетей, которые прошли
через них за многие годы, груды кокосов, которые
им довелось вскрыть.

Прикинув время по длине тени и высоте, на кото-
рую поднялось солнце, Хонуфа приходит к выводу,
что ей пора к деревенскому колодцу набрать воды.
Она давно уже оставила всякую надежду, что ко-
гда-нибудь ей это удастся проделать в одиночестве.
Поначалу, в первые годы, она рассчитывала, что со
временем свыкнется с бременем пристального вни-

мания односельчан, а боль от жалящего осуждения сойдет на нет. Как же она ошибалась!

По дороге ей приходится остановиться. В этот час на пляже должно царить безлюдье, однако он буквально бурлит жизнью. Там собралась вся деревня. Песок истоптан, изрыт сотнями ног. Жилистые мужчины и женщины с выдубленной солнцем кожей тащат лодки подальше от кромки воды, привязывают их веревками к деревьям, плетут и затягивают тугие узлы, после чего спешат обратно к берегу, чтобы убрать и сложить сети. Детвора волочет рыбу, пойманную в цилиндрической формы вершу. Все при деле, все трудятся, вне зависимости от пола, возраста и крепости телосложения.

Приближается буря.

Хонуфа крутит головой: смотрит на восток, потом на запад, затем на юг — основные направления, откуда может нагрянуть шторм, но не замечает ничего подозрительного. Кончики пальмовых листьев, которыми крыты хижины, остаются недвижимы, а на небе ярко светит солнце. И всё же в деревне царит суета.

Хонуфа окидывает толпу работающих односельчан внимательным взглядом в поисках дружелюбного лица. Да ладно дружелюбного, сойдет хотя бы тот, кто просто не отвернется.

Ей удастся разглядеть Рину среди группы женщин, убирающих сети. Рина трудится над особенно длинной сетью, ловко сворачивая ее. Каждое ее движение выверено многолетней практикой. Хонуфа

берется с другого конца, силясь в точности повторять действия Рины, которая ее постарше. Наконец сеть свернута.

— Шторм?

Рина кивает в ответ. На фоне Хонуфы она выглядит жилистой и даже тщедушной, напоминая ломтик вяленого мяса, высушенного солнцем.

— Откуда узнали?

— Утром видели Лодочника.

Хонуфа выпускает сеть из рук.

* * *

Она кидается домой. Это не первый шторм, к которому ей придется готовиться. Что поделать, такова жизнь, если решил поселиться у залива. Пока ее сын, который уже успел проснуться, забавляется тем, что гоняет по двору кур, Хонуфа поправляет на себе сари и принимается за работу.

Список дел не особо длинный, и женщина прекрасно знает, где что лежит. Она расправляет на полу одну из двух расшитых простыней. На нее она ставит кухонные принадлежности — *боти*¹ для нарезки (лезвие обернуто тканью) и *нора*² для измельче-

¹ Боти — бенгальский кухонный нож, используемый для резки рыбы, овощей и фруктов. Представляет собой серповидное лезвие, вертикально установленное на деревянном основании.

² Нора — в Бенгалии доска с толкушкой для измельчения продуктов.

ния продуктов, а также горшки со сковородками, на которых готовит рис, чечевицу, рыбу и шпинат. На вторую простыню она складывает постельные принадлежности и одежду, которая еще не успела просохнуть после утренней стирки. В мешок из грубой джутовой ткани отправляются вяленые продукты.

Она выходит во двор. Куры у нее настоящие красавицы, ну прямо загляденье. Одна черная в белую крапинку, а другая огненно-рыжего оттенка. Красотой дело не ограничивается: они обе несутся, регулярно откладывая яйца где-нибудь в укромном уголке их дома. Поиск яиц всякий раз оказывается настоящим приключением для ее сына, неизменно заканчивающимся тем, что он торжествующе приносит ей яйца — скорлупа у них всё еще мягкая и хранящая тепло несущки.

Хонуфа смотрит на кур и вздыхает. Ее сын любит их, и потому ей непросто совершить то, что предстоит.

Женщина берет нож и начинает его точить.

* * *

Приходит Рина. Она застает Хонуфу копающей яму. Женщина уже успела вырыть ее до пояса. Гостя берет из коровника вторую лопату и присоединяется к работе. Некоторое время они трудятся, не говоря ни слова. Яма быстро растет.

Наконец они останавливаются. Несколько мгновений они стоят рядом, тяжело дыша, истекая по-

том, с довольным видом разглядывая результат своих усилий.

— Ты и вправду считаешь, что будет буря?

— Лодочник пока ни разу не ошибался.

За последнюю четверть века трижды люди видели одинокого лодочника, пересекавшего залив под черными парусами. Он неизменно направлялся на юг, обратившись спиной к стоявшим на берегу или на скалистых зеленых холмах.

Всякий раз за его появлением следовала страшная буря.

— Как думаешь, кто это такой?

Рина многозначительно смотрит на нее.

— Ну, люди разное говорят. Одно знаю точно: под этими черными парусами явно ходит не человек.

Хонуфа чувствует, как от волнения по телу бежит холодок. Жуть какая. И при этом как волнующе!

— Сын где? — спрашивает Рина.

— В доме. Устроил истерику, как узнал, что надо сделать.

— Что ж, он у тебя постепенно становится мужчиной.

Хонуфа улыбается. В маленьком сыне она видит скорее тихую силу и кротость супруга, нежели свой вспыльчивый нрав и несгибаемую волю. Может, оно и к лучшему.

У ее сына великолепное имя. Она позаимствовала его из книги, которую заминдар¹ когда-то ей читал.

¹ Заминдар — помещик, землевладелец, получатель земельной ренты в Индии и Пакистане.

В ней одна история причудливо встраивалась в другую, словно отражения двух зеркал, установленных напротив друг друга, — причудливый лабиринт, в котором так легко безнадежно затеряться.

Женщины спихивают в яму тюки. В тюках, помимо всего прочего, тушки двух куриц, уже ощипанные и уложенные в глиняные горшки. Затем они засыпают яму, а когда дело сделано, втыкают в центр палку, чтобы не потерять место. В завершение они утрамбовывают землю, прихлопывая ее лопатами.

Хонуфа приглашает Рину в опустевший дом. Сын хозяйки сидит на голой постели, на чумазом личике — дорожки, которые проделали слезы. Он кидается к Рине, которая подхватывает его на руки, подкидывает и прижимает к себе.

— Это кто у нас тут плачет? — спрашивает Рина, щекоча мальчика.

— Она кур зарезала, — он обвиняюще показывает на мать пальцем.

— А ты с ними дружил, так? Если б она их не зарезала, их бы всё равно унесла буря, и ты бы их больше никогда не увидел.

Пока Рина возится с ребенком, Хонуфа направляется к дальней стене хижины, ругая себя на чем свет стоит за то, что только сейчас вспомнила о столь важной вещи. Она встает на цыпочки, вслепую шарит рукой, ощупывая то место, где должно лежать письмо, но его там нет. Чувствуя, как бешено заходится сердце, женщина, фыркая от пыли, пододвигает к стене кровать, оставляя царапины на земля-

ном полу. Встав на нее, Хонуфа смотрит. Письмо пропало. Письмо, которое она больше двух месяцев назад со всей осторожностью, в обстановке строгой секретности положила сюда, на самый верх, письмо, сохранность которого она, словно безумная, проверяла всякий раз, когда ее муж отлучался из дома. Это письмо куда-то исчезло.

Она спускается с кровати и замечает, что на нее тарашится Рина.

— Да что с тобой?

Хонуфа бледна как смерть, горло сводит. Ей удается соврать:

— Золотые сережки. Подарок матери Джамира. Исчезли.

— Ох, это плохо, девочка.

Ей остается только кивнуть. В голове каша. Она думает о Джамире: его корабль — крошечная щепочка в безбрежном океане. Сколько он рассказывал ей всяких баек о море, об уловах, о пьяных драках матросов, о бескрайних водных просторах, где нет ничего — лишь солнце, играющее на волнах... Она слушала и жалела, что не родилась мужчиной, свободным от бремени домоседства. Сейчас как раз настал один из таких моментов.

Однажды он повез ее с собой купить красивое ожерелье из раковин и камушков. Тот день выдался на редкость ветреным, но лодка шла ровно — ее удерживал их вес и вес мешков с песком. «Это балласт, — улыбнулся Джамир, волосы которого трепал

ветер. — Благодаря балласту нам ничего не угрожает».

Муж с сыном играли в ее жизни схожую роль. Если они с ней, никакому урагану не под силу перевернуть лодку.

Она садится рядом с Риной.

— Я за него переживаю.

— Почему? Он ведь не первый раз уходит в море. Он на траулере, а они знаешь какие большие? Это тебе не какое-то там корыто, которое, стоит дунуть ветру, уже идет ко дну. У них на борту есть радио. Да они, скорее всего, узнали о шторме еще прежде нашего. Мы тут языками треплем, а они уже к нам обратно идут.

Хонуфа качает головой. Рина ничего не понимает. Да и как она может что-то понимать? Опасность, заключенная в письме, которое у Джамира, куда грознее любого шторма.

— Не обращай внимания, — машет Хонуфа рукой. — Так, глупости всякие говорю. Сколько у нас осталось времени?

— Судя по всему, несколько часов. Заминдар обещал дать людям укрыться у себя в доме. Рахим хороший человек.

— Хороший, — соглашается Хонуфа, не спеша добавить к этому что-то еще. Ей вспоминаются дни, которые она в детстве проводила в особняке заминдара. Она училась читать по буквам, а жена Рахима поила ее чаем со сладким печеньем. Буквы вскоре стали складываться в слова, слова в предложения,

и вот Хонуфа уже бегло читала страницами, главами и целыми книгами. Заминдар однажды признался: он никогда не думал, что ребенок способен так быстро научиться читать.

— Извини, порой я забываю, что вы с ним не ладите, — морщится Рина.

— Он богатый помещик. Мы — бедные рыбаки. Если между нами и была когда-то дружба, то она, скорее, напоминала сон. Рано или поздно каждому приходится проснуться.

Рина фыркает, обводит взглядом хижину, хмурит брови.

— Ну что, Хонуфа, с подготовкой покончено? Готова к шторму?

— Осталось только сходить за козой. Она еще пасется среди холмов. Я ждала, пока ты придеешь. Хотела попросить присмотреть за сыном.

— Ладно, пригляжу за ним. Только смотри, девочка, времени у тебя мало. А что, если ты припозднишься?

— Если меня долго не будет, отведешь моего сына к Рахиму?

Рина задумалась над тем, что кроется за вопросом женщины:

— А ты?

— Я вас сама отыщу. Укройте с остальными. Когда приходит ураган, надо забывать о бывших обидах.

— Рахим — добрый человек. Подумай, Хонуфа, сколько лет прошло. Ну отчего бы не помириться с ним? Это не так сложно, как ты думаешь.

— Слишком поздно, — качает головой Хонуфа, размышляя о пропавшем письме. Решение много лет назад приняла именно она, и что теперь? Прошедшие годы и обстоятельства безнадежно развели их пути-дороги — ее и Рахима.

Рина неодобрительно смотрит на нее:

— Тебе, конечно, виднее, но и тебе, и мужу с сыном будет лучше, если у вас в деревне кроме меня будут еще и другие друзья.

Хонуфа кивает, удаляется в угол хижины и возвращается с узелком, который не стала прятать:

— Если так получится, что тебе придется отправиться к заминдару без меня, возьми это с собой.

Рина берет в руки узелок, чтобы понять, сколько в нем веса.

— Что это? — спрашивает она.

Хонуфа сперва колеблется, а потом всё же развязывает узелок. Внутри — две вещи. Такого Рина никогда прежде не видела. Ее глаза расширяются, она смотрит на Хонуфу, и та вздыхает:

— Вот как снова свидимся, так я тебе всё и объясню.

* * *

Несколько минут спустя она уже карабкается по покрытому лесом склону холма, продираясь через густой кустарник. Поднимается легкий ветерок. В ноздри бьет густой влажный аромат лесной чащобы. Отовсюду доносятся шорохи снующего зверья,

сверху слышатся крики кружащихся в поднебесье коршунов. Ветки бьют ее по лицу. Хонуфа идет по узкой тропинке, напоминающей прядь волос индианки. Земля оттенка киновари, как краска, которой женщины окрашивают волосы в знак того, что вступили в брак. Сложись судьба Хонуфы иначе, и ее волосы были бы такими.

За час она добирается до вершины. Коза ровно там, где она оставила ее накануне, — привязана веревкой к глубоко вбитому колу. Глаза с вытянутыми зрачками наградили женщину внимательным взглядом, и животное снова принимается жевать траву.

Натужно охнув, Хонуфа с трудом выдергивает кол из земли, отвязывает козу и хлопает ее по крупу. Коза, заблеяв, ковыляет прочь. Она знает дорогу до дома, да и при спуске по крутому склону чувствует себя уверенней, чем женщина.

Хонуфа уже собирается тронуться следом, но замирает, чтобы взглянуть на небо. Оно ясное, за исключением нескольких перистых облаков, напоминающих побеги дикого сахарного тростника. На горизонте медленно, неспешно тоже плывут облака.

А что, если на этот раз Лодочник ошибся?

Она направляется к близлежащей поляне в кольце сосен. В середине — неприметная продолговатая могила, огороженная бамбуковыми палками, которые уже успели истлеть на морском воздухе.

За исключением ветра, свистящего среди ветвей, стоит гробовая тишина. Хонуфа замирает. Как всегда, ее переполняют эмоции. Чувствуя себя чужаком,

она черпает силу, упиваясь красотой окружающего мира.

«Восемнадцать лет. Сейчас ты был бы уже совсем взрослым, сынок».

С момента ее последнего визита на могиле успели вырасти лилии. Сейчас они подрагивают и качаются на ветру. Хонуфа как можно аккуратнее срывает три цветка и тихо прощается с сыном.

Неподалеку от могилы находится заброшенный храм. Он уже порос молодыми деревцами бодхи, вздымающимися над ним словно рога, их корни цепляются за осыпающиеся камни святилища.

Хонуфа замирает перед входом. В ее руках цветы — для подношения. Мрак внутри храма будто живой. Он манит ее. Слышится, как в темноте снуют попискивающие мыши. Хонуфа знает, кто ждет ее в храме.

Женщина переминается с ноги на ногу на пороге святилища, собираясь с духом. Она отдает себе отчет в том, что сейчас ей предстоит предать свою веру. Прежде чем войти, Хонуфа закрывает глаза и прижимает ладонь к прохладной, сулящей покой стене храма.

Стоит Хонуфе войти, как она тут же погружается в безбрежный мрак и тишину, над которыми, кажется, не властно само время. Она снова замирает и ждет, когда ее глаза привыкнут к темноте. Пол холодит огрубевшую мозолистую кожу ступней.

Зал десять шагов в поперечнике. На дальнем его конце, залитая светом, проникающим сквозь много-

численные дыры в крыше, — женщина дикой, невероятной красоты: высокая, синекожая, в ожерелье из черепов и юбке из отрубленных человеческих конечностей. Высунутый язык свисает ниже подбородка и указывает кончиком на сраженного демона у ее ног.

Хонуфа встает на колени перед Кали. Черной. Пребывающей вне времени. Разрушительницей.

Она кладет перед богиней свое подношение — цветы, которые принесла. Женщина молится ей, не обращая внимания на внутренний голос, который напоминает, что ее новый бог ревнив и то, что она сейчас делает — *ширк*, — один из самых страшных грехов в исламе. Она поклоняется не Аллаху, а другой высшей силе. Однако Хонуфа ничего с собой не может поделать. Сейчас она словно дитя, охваченное жаром лихорадки, которое инстинктивно тянется к матери.

Когда она была маленькой, отец поведал ей историю богини, которую ему, в свою очередь, открыл жрец-брамин. Легенда ее настолько заворожила, что Хонуфа потом без конца донимала отца просьбами рассказать ее снова и снова. Несмотря на то что уже прошло много лет с тех пор, как Хонуфа рассталась с семьей, она всё равно слово в слово помнила предание.

Давным-давно все триста тридцать миллионов богов и богинь трепетали перед вторгшейся армией демонов под командованием Рактавиджи. Каждая капля крови из ран Рактавиджи, падая на землю, превращалась в такого же демона, как он. Чтобы сразиться с армией демонов, боги призвали на помощь

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

АРИФ АНВАР

УРАГАН

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.11.2024.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 24,36. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басп шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-RSW-36223-01-R